

УДК 821.111

ПОИСК И ОБРЕТЕНИЕ ВЕРЫ В КНИГАХ Г.К.ЧЕСТЕРТОНА «ОРТОДОКСИЯ» И «ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

© М.А.Козырева

В статье на основании двух книг Г.К.Честертона «Ортодоксия» (1908) и «Вечный человек» (1925) изучаются религиозные воззрения писателя, их эволюция. Произведения исследуются как на уровне содержания, так и на уровне формы и рассматриваются как единый текст.

Ключевые слова: Г.К.Честертон, история, религия, христианство, католицизм.

Г.К.Честертон сыграл большую роль в формировании католической литературы XX века в Великобритании, о чем неоднократно свидетельствовали писатели, считавшие его своим наставником (И.Во, М.Спарк, Г.Грин, Т.Мэйхард). Воспитанный в полуангликанском, полуагностическом духе (его родители не были людьми особенно религиозными), еще в юности он начал формировать свою собственную идеалистическую философию, базой для которой послужил романтический тип его мировосприятия и которая постепенно, через влияние священника о. О'Коннора и затем жены привела Честертона в лоно римско-католической церкви. Официально переход был осуществлен только в 1922 г., но уже в 1908 г. он говорил о своей приверженности этой конфессии. Впрочем, даже после формального присоединения он, судя по всему, не был особо «воцерковлен». В то же время его произведения, посвященные вопросам веры, были популярны не только среди рядовых читателей. После огромного успеха «Св. Франциска Ассизского» Ватикан заказывает ему новую агиографическую книгу о Фоме Аквинском, которую Честертон успешно завершает в 1933 г. Это произведение также получает высокую оценку и литературных критиков, и теологов. В России публицистические работы Честертона на религиозную тему (рассказы о патере Брауне начали переводиться и печататься много раньше) стали известны через самиздат в 60-е гг. и сыграли большую роль в формировании религиозных взглядов русской интеллигенции (в том числе и православной). Среди популяризаторов творчества Честертона в России были о. Александр Мень и С.Аверинцев. Как нами уже отмечалось в предыдущих исследованиях [см.: 1], его религиозные сочинения до сих пор вызывают большой интерес. Однако почти не рассматриваются особенности поэтики его произведений, а именно в области формы, где, как нам кажется, лежит ответ на вопрос о причинах привлекательности и силе воздействия этих текстов на реципиентов.

Религиозная философия пронизывает фактически все произведения писателя: и публицистические, и художественные, но особо выделяются две книги: «Ортодоксия» (1908) и «Вечный Человек» (1925). Жанр этих произведений определяется по-разному. Так, в русском издании 1991 г. они названы трактатами [2]. Несмотря на их очевидную значимость, нам все же не представляется возможным отнести их к этому жанру, и мы будем в дальнейшем говорить о них как об развернутых эссе.

Критики, как правило, соотносят эти тексты с произведениями Честертона, написанными приблизительно в то же время, а именно «Ортодоксию» и роман «Человек, который был Четвергом» (1908) [3] и книгу «Вечный человек» с биографией «Святой Франциск Ассизский» (1924) [4]. Это, безусловно, оправдано, т.к. писатель выражает в них в разной форме схожие религиозные и философские идеи, присущие соответствующим периодам его творчества. Однако «Ортодоксия» и «Вечный человек» не сопоставлялись исследователями друг с другом, что является явным упущением. Первое эссе написано вскоре после того, как Честертон осознал себя христианином-католиком, а второе – когда он уже был полноправным членом римско-католической церкви и приобрел жизненный опыт и знания. Поводом для создания «Ортодоксии» послужил шуточный вызов, брошенный ему одним из современников-журналистов Дж.С.Стритом, который предложил писателю изложить принципы своей веры. Второе из рассматриваемых здесь эссе написано как ответ на книгу Г.Уэллса «Наброски истории» в полемичной с ней форме. Однако это были, действительно, только поводы, но не истинные причины для создания этих произведений. В первую очередь, Честертон стремился рассказать своим читателям о сути веры, к которой он пришел, и показать радости и переживания связанные с этим, выявить основные этические составляющие христианства. В этом смысле он, безусловно, являлся апологетом католицизма.

В парадоксальной, порою шуточной форме, типичной для его эссеистики, он излагает в «Ортодоксии» историю своего собственного прихода к христианству, а в «Вечном человеке» – уже историю всего человечества как историю христианства. Для обоих текстов характерен острый полемический дух повествования. Полемика ведется как с реальными оппонентами (Г.Уэллс, Ч.Дарвин), так и вымышленными («некоторые полагают», «бытует мнение...»). Предметом спора становится философия детерминизма, материализм, индивидуализм, скептицизм, теософия. Соответственно в этом направлении Честертон рассматривает и противопоставляет мировые религии – язычество, буддизм, ислам, с одной стороны, и христианство, с другой, причем здесь он также сопоставляет кальвинизм и католицизм; последний является для него абсолютной истиной, при этом другие христианские конфессии упоминаются вскользь или вообще не учитываются.

Честертон в первой главе «Ортодоксии» говорит о жанре своей книги: *«Это не церковный трактат, а что-то вроде небрежной автобиографии»* [5: 361]. Действительно, ее можно назвать духовной автобиографией, не случайно автор в дальнейшем, говоря о формировании своей личности, будет обращаться именно к этому произведению. На первый взгляд, несколько беспорядочное, представляющее собой живой диалог с читателем, это эссе обладает внутренней логикой, четко выстроенной структурой. Условно его можно разделить на три части. Все начинается с наброска притчи *«об английском яхтсмене, сбившемся с курса и открывшем Англию, полагая, что это новый тихоокеанский остров»* [5: 358]. Таким простодушным путешественником и оказывается сам автор, прослеживающий путь формирования своей жизненной философии. Открывая самостоятельно, шаг за шагом, обычно силой интуиции и воображения, смысл бытия и считая себя первооткрывателем, он внезапно обнаружил, что заново открыл основы христианской веры. *«Я хочу показать, что моя вера как нельзя лучше соответствует той двойной духовной потребности, потребности в смеси знакомого и незнакомого, которую христианский мир справедливо называет романтикой. <...> Я не буду доказывать, а приму как аксиому, общую для меня и читателя, любовь к активной, интересной жизни, жизни красочной, полной поэтической занятности, той жизни, какую человек (по крайней мере, западный) всегда желал»* [5: 359]. Заложенный таким образом в самом начале повествования мотив путешествия и приключения, становится лейтмотивом всего текста

и фактически организует его структуру. В первой части эссе Честертон приводит свои доводы в пользу христианства, противопоставляя ему материализм и детерминизм, утверждая ограниченность свободы в них. *«Христианин вправе верить, что в мире достаточно упорядоченности и направленного развития; материалист не вправе добавить к своему безупречному механизму ни крупицы духа или чуда»* [5: 370]. С его точки зрения, детерминистское видение мира ближе к безумию, в то время как вера и свобода воображения являются воплощением здравого смысла. *«Угрюмый логик хочет все прояснить, и все становится смутным. Мистик допускает одну тайну, и все прояснилось»* [5: 374]. Тупиковым полагает автор и индивидуализм, и религию, которую он считает его воплощением, – буддизм. В образной метафорической форме выражает он основной парадокс христианства: *«Буддизм центристремителен, христианство центробежно – оно вырывается наружу, ибо круг задан, он не станет ни больше, ни меньше. Но крест, хотя в середине его столкновение и спор, простирает четыре руки в бесконечность, не изменяя формы. Заключив в свой центр парадокс, он может расти, не меняясь. Круг замкнут в себе, крест открывает объятия всем ветрам, это маяк для вольных странников»* [5: 374].

Вторая часть «Ортодоксии» посвящена собственно пути к вере. Основой ее для Честертона стала мифология детства. *«Мою первую и последнюю философию, в которую я твердо верю, я усвоил в детской от няни – величественной, вдохновенной жрицы демократии и традиции. Крепче всего я верил и верю в волшебные сказки»* [5: 390]. Они воспитали в авторе убеждение, что *«<...> мир причудлив, изумителен, он мог бы быть совсем другим; и таков, каким он есть, он прекрасен, но за этот потрясающий мир мы должны уплатить дань смирения и подчиниться удивительнейшим ограничениям столь удивительной благодати»* [5: 398]. Урок, вынесенный из них, по сути своей, подводит к основам христианской доктрины: в основе мира лежит чудо (волшебство); мир создан по замыслу творца (волшебника); мир этот прекрасен, несмотря на существование в нем зла (драконы); благодарность за это надо выражать смирением (сказочные запреты); грехопадение и его вечное искупление (все хорошее – это осколок давнего крушения, который надо бережно хранить, как Крузо хранил свое добро после кораблекрушения). Столь смелые сопоставления, невозможные в теологическом трактате, в эссе Честертон не только оправданы, но как нельзя лучше объясняют человеку, стремящемуся к вере, но еще да-

лекуму от нее, зараженному скептицизмом и пессимизмом начала XX века, суть католицизма не как чего-то мрачного и ограничивающего человеческую свободу, а наоборот, светлого и чистого, представляющего не только абстрактные догмы, но определяющего повседневную жизнь каждого. Столкновение с миром скепсиса, юношеский индивидуализм и метания между пессимизмом и оптимизмом требовали либо опровержения, либо подтверждения этих постулатов, но получаемые знания их не давали. Он прошел путь от язычества до агностицизма, христианство в юности отпугивало его. *«Долго, с самого отрочества, я бродил, то и дело натыкаясь на две огромные, хитрые конструкции, совершенно разные, ничем не связанные, – мир и христианство. Каким-то образом я догадался, что надо любить мир, не полагаясь на него; радоваться миру, не сливаясь с ним. Я узнал, что у христиан Бог – личностен и что Он создал отдельный от себя мир. Острые догмы попали в отверстие житейской проблемы, они в точности совпали – словно для того их и сделали, – и вдруг начали твориться удивительные вещи. Как только они соединились в одной точке, все их части стали совпадать одна с другой, как часы за часами бьют полдень»* [5: 414–415]. В заключительной части Честертон рассматривает место и роль христианства (католицизма) в современном ему мире, проводит острую критику идей модернизации церкви и ее растворения среди социальных институтов и утверждает, что именно ортодоксия является стражем этики и порядка и гарантией не только внутренней, но и социальной свободы и обновления. Именно поэтому он полагает христианство религией радости. Заключительные строки «Ортодоксии» – это исполненное глубокого лиризма авторское объяснение многочисленных умолчаний в Новом Завете: *«Было нечто, слишком великое, чтобы Бог показал нам это, когда Он жил на земле, – и я думаю иногда, что это Его радость»* [5: 472].

Если «Ортодоксия» – это история личного духовного опыта, то «Вечный человек» показывает историю духовного опыта человечества. Цель автора – *«показать, как неверны привычные, пошлые и смутные представления о христианской вере»* [6: 219], т.е., по сути, он предлагает логику утверждения через отрицание, что приводит к усилению полемического начала по сравнению с «Ортодоксией». Основными объектами критики становятся, как и в первом эссе, материализм, детерминизм, индивидуализм и скептицизм, но теперь большое место уделяется разоблачению теории Дарвина, релятивизма, учения буддизма и конфуцианства. «Вечный че-

ловек», правда, не пользовался столь большой популярностью, как «Ортодоксия». Дж.Пирс объясняет это сложностью текста [3: 309]. Однако, на наш взгляд, это связано также и просто с нагромождением суждений или не всегда достоверных сведений, выбираемых часто очень субъективно, а также пафосностью, кажущейся нарочитой. Небрежность в обращении с фактами была типична для публицистики Честертона, но в данном случае, поскольку сам он своей целью ставил создать историю христианства, что предполагает точность и объективность, черта, придающая живость журналистским творениям писателя, становится явным недостатком.

Структура книги четко выражена и определена самим автором – первая часть – это история человека до Христа, вторая – история христианства и его суть. Начиная с доисторических времен, автор исследует взаимоотношения человека и высших сил, показывая, как постепенно идея единого и всемогущего Бога проникает в сознание людей. Если первобытный человек постигает это интуитивно, то постепенно, в лоне первых языческих цивилизаций, формируется понимание того, что есть кто-то, кто больше, мудрее и величественнее окружающего мира. *«Мне кажется, что за всем многобожием и язычеством стоит что-то непомерно огромное, а мы видим лишь его отблеск в дикарских или греческих мифах»* [6: 145]. Далее Честертон характеризует религии древних цивилизаций, от Египта и Вавилона к Древней Греции и Риму и, наконец, иудаизму, как безуспешные попытки разгадать тайну мира, в каждой из которых, однако, есть что-то, что приближает человечество к откровению, чуду Боговоплощения. Вторая часть книги – это трактовка Нового Завета, догматов христианства (католицизма) в их соотносительности с жизнью людей прошлых эпох, начиная со средневековья, и современного человека. Для Честертона преследования или неприятие христианства язычеством, другими религиями или атеизм – это реакция побежденных, а страдания христиан в древнем Риме – это утверждение победы жизни над смертью, духовного устремления в бесконечность с тупиком языческого мира.

Хотя такая структура для текста, посвященного истории религии, в целом не оригинальна, обобщая в процессе чтения представленное писателем изобилие фактов, домыслов и вымыслов, мы обнаруживаем, что он развивает в «Вечном человеке» тот же «сюжет», что и в «Ортодоксии». Путь, который проходит человечество, оказывается, с точки зрения Честертона, тем же, что и его индивидуальное постижение веры. Так древний мир он воспринимает как детство чело-

вечества, а мифологию – как первичное выражение предчувствия истины, как сказки в его духовном развитии. «Чем человек проще, тем он тоньше. Каждый должен помнить это, потому что каждый был ребенком. Как бы мало ребенок ни знал, он знает больше, чем может сказать, и ощущает не только атмосферу в целом, но и тончайшие ее оттенки» [6: 153]. Античные цивилизации, манихейство, иудаизм, восточные религии подобны метаниям юноши от отрицания веры к ее принятию, от пантеизма к единобожию, от индивидуализма к растворенности в мире. Открытие христианства для героя и изменение мира после явления Христа становятся кульминационными точками повествований. Однако вера – это и борьба, что выражается в последних главах обеих книг. Все завершается здесь гимном божественной радости, лежащей для Честертонна, в основе христианства.

Обе книги оказываются также тесно связаны сквозными образами и лейтмотивами. Это, во-первых, мотив путешествия и приключения. Жизнь человека, и материальная, и духовная – это странствие, исполненное тайн и опасностей, риск сделать неверный шаг, который может испортить все, и надежда на счастливый конец. «В приключенческой повести человек должен пройти через много испытаний и спасти свою жизнь: здесь он проходит испытания, чтобы спасти свою душу. И там и здесь свободная воля действует в условиях определенного замысла; и там и здесь есть цель, и дело человека – прийти к ней» [6: 249]. Образ ключа, заявленный в «Ор-

тодоксии», получает свое развитие в «Вечном человеке», разворачиваясь в широкую метафору и обретения веры, и решения жизненных проблем, и символа, по форме близкого кресту. В свою очередь рассуждения о символическом значении креста в христианстве почти дословно повторяются в обоих эссе.

Все это позволяет нам рассматривать эти произведения как единый текст, в котором Честертон показывает читателю личный поиск и обретение веры как часть общечеловеческого устремления к высшим истинам и, наоборот, обретение христианских истин человечеством – как личный духовный опыт.

1. *Козырева М.А.* «Святой Франциск Ассизский» Г.К.Честертонна. Жанровые особенности // Филология и культура. Philology and Culture. – № 4(30). – 2012. – С.113 – 115.
2. *Трауберг Н.* Гилберт Кейт Честертон и его трактаты // Г.К.Честертон. Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991. – С. 4 – 12.
3. *Pearce J.* Wisdom and Innocence. A Life of G.K.Chesterton. – Lnd.: Hodder&Stoughton, 1996 – 522 p.
4. *Braybrooke P.* Gilbert Keith Chesterton. – Lnd.,1926. – P.171.
5. *Честертон Г.К.* Ортодоксия / Пер. с англ. Н.Трауберг // Г.К.Честертон. Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991. – С. 357 – 457.
6. *Честертон Г.К.* Вечный человек / Пер. с англ. Н.Трауберг // Г.К.Честертон. Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991. – С. 93 – 265.

SEARCH AND FINDING FAITH IN G.K.CHESTERTON'S BOOKS "ORTHODOXY" AND "ETERNAL MAN"

M.A.Kozyreva

Basing on two G.K.Chesterton's books "Orthodoxy" (1908) and "The Eternal Man" (1925) the article studies religious beliefs of the writer, their evolution. The works are studied both at the level of content, and at the level of form and are treated as a single text.

Key words: G.K.Chesterton, history, religion, Christianity, Catholicism.

Козырева Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: kozyr2m@mail.ru

Поступила в редакцию 20.05.2013